

УДК 392.1(=1.47=161)(470.6)

ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ КУЛЬТУРЫ МАТЕРИНСТВА И ДЕТСТВА У КАЗАКОВ-НЕКРАСОВЦЕВ

© 2009 г. Т.Ю. Власкина

Подведены итоги работы по изучению культуры детского цикла у казаков-некрасовцев. Изучение четырех категорий явлений, составляющих культуру материнства и детства у казаков-некрасовцев, – универсальных, локальных, специфических и архаических – позволяет сделать ряд выводов относительно культурной преемственности между некрасовцами и казаками верхне-среднего Дона; о более раннем, чем принято считать, возникновении института семьи у донских казаков; об основных направлениях развития культуры некрасовцев в условиях изоляции.

Ключевые слова: казаки-некрасовцы, обрядность, семья, условия изоляции, категории культуры.

Культура материнства и детства у казаков-некрасовцев – интересное, но малоизученное явление. Между тем в традиционном наследии любой этнической или этносоциальной группы культура материнства и детства занимает особо значимое место, поскольку непосредственно определяет разрешение такой важной для жизнеобеспечения сообщества проблемы, как воспроизводство населения, и в биологическом, и в социальном смысле. В структурном и содержательном плане культура материнства и детства представляет собой сложный комплекс семейно-бытовых обычаев и обрядов, ритуальных и магических практик, реализаций эмпирического опыта. Помимо универсальных элементов, в той или иной степени распространенных в Европе и имеющих аналоги в культуре практически всех народов мира, этот комплекс приобретает свои специфические черты в каждой этносоциальной группе. Его анализ может пролить свет на систему ценностей, народные знания, формы и методы народной педагогики и шире – на вопросы генезиса и исторического развития общности. В настоящей статье мы подводим некоторые итоги анализа материалов по культуре материнства и детства у казаков-некрасовцев. В качестве сравнительных привлекаются данные соответствующей тематики, зафиксированные у казаков верхне-среднего Дона², а также у липован – представителей другой старо-

обрядческой группы, историческая судьба которой на протяжении длительного времени была тесно переплетена с судьбой казаков-некрасовцев³.

Исследование показало, что некрасовцы в Турции обладали культурой материнства и детства, укорененной в различных формах во всех типах обрядности (и календарной, и семейной, и окказиональной). Как это и должно быть в обществах традиционного облика, элементы этой культуры сопровождали индивида в течение всей жизни. И, что особенно важно, имели непосредственную связь со специфическими социальными и конфессиональными институтами некрасовского социума – казачьим кругом и конфессиональной общиной. Социализирующая функция комплекса нашла свою реализацию в том, что обряды и этические установки определенным, не всегда явным образом отразили сложный исторический путь некрасовцев. Поскольку в условиях добровольной изоляции проблемы, связанные с межпоколенной преемственностью и этноконфессиональной идентичностью, приобрели чрезвычайную важность, многое из того, что в иных условиях не выходило за пределы женско-семейного круга, стало частью своеобразной «общественной философии самосохранения». Все это: системность, мировоззренческая значи-

³ В статье использованы полевые материалы архива кафедры общего и сравнительного языкознания факультета филологии и журналистики ЮФУ (до 2007 г. – РГУ) и материалы личного архива автора (пос. Новокумский Левокумского р-на Ставропольского кр., 1999 г., хх. Новонекрасовский, Новопокровский Приморско-Ахтарского р-на Краснодарского кр., 2007 г.; сравнительные материалы по Дону 1993–2007 гг.). Здесь и далее в случаях, когда информация, положенная в основу характеристики составляющих культуры материнства и детства казаков-некрасовцев, единообразна у всех информантов, мы опираемся на весь корпус полевых материалов, находящихся в нашем распоряжении.

¹ Южный научный центр Российской академии наук, 344006, Ростов-на-Дону, пр. Чехова, 41; тел. 8 (863) 250-98-16, e-mail: vlaskinatu@mmbi.krinc.ru.

² Изыскания диалектологов привели к утверждению, что основная масса казаков-некрасовцев происходила из станиц верхне-среднего Дона [1, с. 8–9; 2, с. 14–18; 3, с. 20–21]. Сравнительный анализ иных составляющих культуры этих двух групп казачества также представляется достаточно перспективным.

мость и встроенность в социально-бытовую структуру – свидетельства сложения зрелой культуры материнства и детства, не только приспособленной к потребностям группы, но развивавшейся вместе с ней.

Все составляющие культуры материнства и детства казаков-некрасовцев можно с некоторой долей условности разделить на четыре категории: универсальные⁴, локальные, специфические и архаические⁵. В наибольшей степени культурное своеобразие некрасовской общины отражают локальные и специфические составляющие. Рассмотрим эти категории по отдельности.

1. Локальные составляющие⁶

В культуре материнства и детства казаков-некрасовцев можно выделить несколько групп локальных составляющих, соотносимых с различными по продолжительности периодами проживания выходцев с Дона на Кубани, на Дунае и в Турции. Каждый из этих этапов был связан с различными по содержанию и характеру этническими контактами, с обменом культурным материалом, и все они занимают свое место в консолидации и последующем развитии некрасовской общины, в приобретении ею культурного своеобразия. Существенное воздействие на современное состояние культуры материнства и детства оказал период интеграции некрасовцев в советское общество после реэмиграции. Для изучения каждой из групп локальных составляющих необходимо выявление контактных общностей, определение характера контактов и создание баз релевантных материалов для сравнительного анализа. В настоящем исследовании целесообразно рассмотрение составляющих, которые отражают генетическую связь культуры казаков-некрасовцев и современного населения определен-

ных территорий бывшей Области Войска Донского. Выводы лингвистов о сохранении некрасовцами диалектного своеобразия донских говоров, а также свойственное им устойчивое позиционирование себя как выходцев с Дона позволяют видеть именно в этом корпусе явлений ядро традиции, поскольку «диалект... представляет собой не исключительно лингвистическую территориальную единицу, а одновременно и этнографическую, и культурологическую» [7, с. 21]. С одной стороны, «донские» составляющие непосредственно связаны с традиционным наследием этнографических групп, в XVI–XVII вв. принявших участие в формировании казачества и слившихся в нескольких неповторимых локальных вариантах донской субкультуры. С другой – с особенностями частного и общественного быта донских станиц. Наконец, наличие ряда составляющих обусловлено старообрядческим характером культуры, сложившейся в центрах формирования булавинского войска накануне восстания. Конфессиональная специфика оказала воздействие на облик среднедонского локального варианта культуры донских казаков (бывший Второй Донской округ Области Войска Донского, определенная часть старообрядческого населения которого преемственна раннему казачеству).

К наиболее ярким примерам сохранения этнографического своеобразия, безусловно, следует отнести особую форму календарно приуроченного обряда благодарения повивальных бабок – *бабья каша* (на Дону), *бабкин день*, *бабьи каши* (у некрасовцев). Праздник, имеющий, по мнению исследователей, дохристианское происхождение, у русского крестьянства к XIX в. приобрел исключительно православную окраску, его семантика и основные мероприятия концентрировались вокруг церковной службы «Помощь в родах», проходившей на второй день после Рождества Христова, и общественной трапезы [9, с. 469; 10, с. 160–161]. Устойчивое бытование «бабьих каш» подробно описано у южных славян на Балканах. Там благодаря широкой распространенности и колориту ритуальных действий «бабин день» стал одним из наиболее почитаемых народных праздников и даже вошел в современный календарь как «день акушерки» [11, с. 123–125]. В чествовании, главное действующее лицо которого – повитуха, участвуют женщины, имеющие детей. Ритуал включает: посещение бывшими роженицами повитухи; трапезу в ее доме с использованием особых символических блюд (бабиной каши, бабкина калача); одаривание и катание повитухи по селу; действия с очистительной семантикой (купание, умывание, обливание); поминовение умерших повитух. Сугубо женский и продуцирующий характер праздника подчеркивается принятыми в этот

⁴ Универсальные составляющие культуры материнства и детства выделяются согласно обобщающим исследованиям в этой области [4–6].

⁵ Наиболее яркой чертой этой категории составляющих культуры материнства и детства казаков-некрасовцев, традиционное наследие которых в целом, по мнению многих специалистов, характеризуется глубоким архаизмом, является иное, чем можно наблюдать сегодня у большинства других этносоциальных групп русских, распределение рационального и иррационального. Нам удалось выявить в корпусе народно-медицинских знаний некрасовцев мощный пласт естественно-эмпирических методов, в России ушедших в прошлое с развитием научной медицины.

⁶ Выделение локальных составляющих базируется на выводах московской этнолингвистической школы и методологических разработках представителей комплексного направления в отечественной фольклористике [7, 8]. Среди этих выводов особенно ценно для нашего исследования утверждение самостоятельности, самоценности и неповторимости локальных вариантов народной культуры.

день карнавальными шутками (бесчинствами) по отношению к мужчинам и бездетным женщинам. Отдельные элементы подобных архаических форм празднования были зафиксированы у белорусов и у русских юго-западных областей (Брянская, Курская и Смоленская), а также на территориях вторичного заселения – в Сибири (Сургут) [11, с. 125; 10, с. 160–161]. Праздник благодарения повитух – *бабьи каши* – занимал важное место в календаре казаков-некрасовцев. По свидетельствам респондентов, по всем значимым характеристикам и многим обрядовым элементам он не только был близок к архаическому балканскому образцу, но и обладал некоторыми специфическими особенностями (использование тыквы (*кабак*, *стамбулка*) в качестве основы ритуальных блюд – *бабкина калача* и *бабьей каши*; символическое «надругательство» над мужчинами в устойчивых формах, одна из которых – наливание закваски в штаны и др.), обнаруживая, таким образом, все признаки самобытного варианта обряда, имеющего локальное распространение. Аналогичная локальная форма обряда бытовала у донских казаков среднего и северных районов нижнего Дона вплоть до 50-х гг. XX в. [12, 13]. Следует отметить, что в подобной полноте и сочетании элементов обряд благодарения до сих пор более нигде не зафиксирован.

Балканские черты некрасовской обрядности, по мнению исследователей, изучавших русских старообрядцев в Румынии и Болгарии, могут объясняться влиянием иноэтнического окружения⁷. Однако культурные контакты мигрантов после исхода из России не объясняют факта бытования описываемых обрядовых форм на Дону. Вероятнее, что ритуальные формы, близкие к архаическому варианту обряда благодарения, сохранившемуся на Балканах, в XVI–XVII вв. имели распространение у населения юго-западных областей России. А поскольку выходцы из этих областей внесли свой вклад в формирование раннего казачества (в настоящее время это не вызывает сомнений), донская *бабья каша* может восходить к их культурному наследию, не сохранившемуся в подобной целостности на метропольных территориях. Последующее развитие культуры восточнославянских мигрантов на Дону привело к сложению устойчивого локального варианта обряда, насыщению его специфическими формами. В связи с этим особенно интересно использование тыквы в качестве основы ритуальной пищи в сочетании с объяснениями относительно способности этого растения увеличивать детородные способности женщин: на Дону тыква, наряду с

другими продуктами восточного происхождения – кофе, табаком, виноградом и т. д., получила распространение ранее, чем в более северных областях России. Показательно, что у липован – русских старообрядцев, мигрировавших на Дунай в конце XVII–XVIII вв. из юго-западных губерний и долгое время находившихся в тесном взаимодействии с некрасовцами, имеются сходные черты обрядности, в частности обряда *бабьи каши*. Однако тыкву для приготовления ритуальной пищи они не используют. Имеются и другие черты, позволяющие отличать обряд благодарения, характерный для липован, от некрасовского (и донского) локального варианта. Сказанное не исключает возможности вкрапления в обрядовое действие в ходе культурных контактов мигрантов на Дунае отдельных элементов семантически близкого балканского праздника, что привело к развитию на основе уже существующего локального варианта черт «вторичной региональности» [8, с. 159].

Другим ярким примером сохранения в обрядности материнства и детства казаков-некрасовцев явлений, сложившихся в рамках донского субэтнического варианта русской этнической культуры, служит обычай выбора повитух на казачьем кругу. Общественный характер выбора повивальных бабок сложился, как можно предположить, на Дону в период формирования основных принципов казачьего общежития и самоуправления и неукоснительно соблюдался казаками-некрасовцами. В воспоминаниях некрасовцев сохраняются некоторые подробности определения кандидатур и проведения выборов, уже мало доступные для фиксации в донских станицах. Примечательно, однако, что между этими живыми описаниями, собранными на верхне-среднем Дону, и лаконичными свидетельствами о практике выбора бабушек на станичном кругу, существовавшей до 1917 г., нет противоречий⁸.

Изоляция наложила неповторимый отпечаток на религиозную окраску культуры некрасовцев в целом, и подчас кажется, что население, причисляющее себя к донским старообрядцам, пережившее гонения во второй половине XIX века и воинствующий атеизм XX века, ни в коей мере не может быть сопоставлено с ними в этом отношении. Однако некоторые формы народной религиозности, видимо, следует рассматривать как рудименты общей профессиональной традиции. В частности, некрасовский обычай свивания покойников при подготовке к погребению, в результате чего они символически

⁷ Проект «Русские села на Балканах: архаика и заимствования в народной культуре» в 2006 г. выполнялся сотрудниками Института славяноведения и балканистики РАН.

⁸ Цветова А.А. 1914. г.р., х. Осинковский Советского р-на Ростовской обл. (далее РО), 2002 г.; Даданова А.И., 1922 г.р., х. Алдабульский Дубовского р-на РО, 2002 г.; п. Большая Орловка Мартыновского р-на РО, 1993 г., ст. Базковская Шолоховского р-на РО, 2002 г., хх. Аржановский, Варламов, Усть-Грязновский Советского р-на РО, 2002 г.

уподобляются младенцам (таким образом в погребальном обряде реализуется идея посмертного рождения в ином мире), находит аналогии в обрядности староверов среднего Дона. Примечательно, что, по воспоминаниям старожилов, дольше всего обряд исполняли для повитух⁹. Сохранение этого архаического обычая именно в составе обрядности материнства и детства убедительно указывает на зависимость его символического содержания от эмбриогенетических представлений, присущих локальной этноконфессиональной группе. С народно-религиозной концепцией цикличности жизни, свойственной локальным группам старообрядцев, связаны и рассказы, зафиксированные в устной традиции казаков среднего Дона, о том, что происходит с душой человека в первые сорок дней после смерти, в которых душа уподоблена плоду, формирующемуся в теле беременной женщины¹⁰. По авторитетному мнению священника липованской общины х. Новопокровского Приморско-Ахтарского р-на Краснодарского края, в их основе могут быть редкие дораскольные тексты религиозного содержания, известные липованам и некрасовцам¹¹.

Помимо названных выше, к категории локальных составляющих относятся те элементы духовной и материальной культуры, которые, вероятно всего, вошли в донскую традицию в результате соседских и брачных контактов раннего казачества с тюркским и монгольским населением (ногайцами, крымскими татарами, турками и калмыками). Их вычленение из корпуса заимствований тюркского происхождения, имеющих в культуре некрасовцев и, как правило, в целом рассматриваемых исследователями как последствия длительного проживания мигрантов в турецком окружении, стало возможно после системной фиксации аналогичных явлений у донских казаков. Среди таких явлений, имевших широкое распространение на Дону еще в середине XX в., использование в качестве апотропейческих средств для детей амулетов тюркского типа – монет, низок бисера (*монисточка*), ярких ниток, раковин «каури» и *королек* (см., напр.: [14, с. 358]). Как и на Дону, у некрасовцев эти предметы нашивали на шапочки и верхнюю одежду детей, надевали на ручки или прикрепляли на *гайтан* вместе с нательным крестом. Контакты с народами степи способствовали восприятию донскими казаками характерных способов лечения некоторых детских заболеваний. Эти узнаваемые магико-эмпирические приемы фиксируются и в корпусе традиционной педиатрии казаков-некра-

совцев. Так, одним из способов лечения заболевания, известным под диалектными наименованиями *сухота*, *сухоты*, и в некрасовском говоре, и в говорах верхне-среднего Дона, было помещение ребенка в выпотрошенный, но немывтый желудок только что зарезанной овцы. Исполнение этой процедуры в развернутой форме сопровождалось приготовлением пищи из мяса убитого животного и ритуальным угощением родственников и соседей больного¹². Этот и ему подобные приемы лечения больных детей с применением шкур и требухи свежезарезанного мелкого рогатого скота практически не известны русским других социально-территориальных групп. Г. Попов в своей фундаментальной работе о русской народной медицине, обобщающей материалы этнографического бюро князя В.Н. Тенишева, из возможных аналогий приводит в разделе «Грубо-эмпирические, нелепые и вредные средства» только случаи использования шкур домашних животных для лечения тяжелых форм чахотки и лихорадки. При этом он подчеркивает, что главным «лечебным» качеством этих средств является принадлежность не специально зарезанным, а издохшим животным. Из комментариев следует, что целебный эффект достигается изгнанием болезней отвратительным запахом падали [15, с. 279, 286, 287]. Очевидны различия и в форме, и в символическом осмыслении лечения. В более поздних публикациях информации о том, чтобы в народной медицине русских применялся прием, аналогичный описанному у некрасовцев и на Дону, также выявить пока не удалось. Между тем ряд исследователей свидетельствует о том, что эта и ей подобные народно-медицинские процедуры весьма популярны у киргизов и у тюрков вообще [16, с. 199, 201; 17, с. 244]. По ряду признаков описанное явление близко к распространенному у балканских славян-мусульман ритуалу, известному под названием «курбан» [18, с. 54–57].

Описанная группа локальных составляющих представляет собой комплекс взаимосвязанных элементов.

По мнению Н.И. Толстого, устойчивое сочетание лингвистических и этнографических компонент представляет собой территориальную единицу [7, с. 18–23], комплекс таких единиц составляет культурный диалект, который является оригинальной и узнаваемой модификацией национальной культуры. Локализация культурных диалектов, как правило, отражает процессы перемещения групп носителей локальной традиции.

⁹ Х. Аржановский Советского р-на РО, 2002 г.

¹⁰ Х. Потапов Волгодонского р-на РО, 1997 г.

¹¹ Автор выражает глубокую признательность протоиерею Георгию (Ефимову Георгию Полиэктовичу), любезно согласившемуся дать разъяснения по этому вопросу.

¹² С. Новокумское Левокумского района Ставропольского края; ст. Обливская (райцентр) Ростовской области, 1998 г.; х. Карпов Цимлянского района Ростовской области, 2000 г.; ст. Андреевская, х. Гуреев Дубовского района Ростовской области, 2000 г.

Среди локальных составляющих, аналогичных у казаков-некрасовцев и казаков Дона, выделяются те, которые носят частный характер, и более значимые, связанные с религиозной основой идеологии, с самобытной системой казачьего самоуправления, включенные в годовой цикл общинной обрядности. Очевидно, что для сложения последних необходима община, структура которой включает женскую часть с собственной субкультурой традиционного типа, подразумевающей наличие семьи и сакрализации естественного воспроизводства. Известно, что для формирования такой субкультуры требуется не менее трех-пяти поколений (т. е. от шестидесяти до ста лет). Следовательно, начало формирования этой группы составляющих у донских казаков следует отнести к началу XVII в. Бытование у некрасовцев обычно-обрядовых форм, схожих с донскими, указывает на то, что на момент исхода основного ядра мигрантов с Дона в 1709 г. эти формы, как часть традиции, у донских казаков уже существовали. В свою очередь, продолжение бытования этих форм на Дону свидетельствует о сохранении после разгрома Булавинского восстания населения, способного воспроизводить и транслировать культуру «раннего» казачества.

2. Специфические составляющие

Категория специфических составляющих культуры материнства и детства включает те явления, которые так или иначе отражают конфессиональное своеобразие и особенности исторической судьбы некрасовцев. Среди них бесспорное главенство по объему представленности в комплексе и по мировоззренческой значимости занимают явления, обязанные своим возникновением особенностям их самоидентификации, в которой ведущее место принадлежит позиционированию себя в качестве продолжателей борьбы против гонителей казачьей воли и веры. Такая доминанта самосознания способствовала закреплению в традиции оригинальных обычно-обрядовых форм.

Представляется, что некоторые приемы обращения с роженицей и новорожденным ребенком могут быть связаны с мифологией булавинского восстания и исхода из России, поскольку в них достаточно органично встроены предметные и содержательные компоненты, имеющие отношение к героическому прошлому. Так, при проведении послеродового распаривания тела роженицы – процедуры, входящей в универсальный арсенал народного акушерства, – некрасовские повивальные бабки использовали чугунное пушечное ядро (*пушка*)¹³. Нужно отметить,

¹³ Судя по многочисленным описаниям, речь идет о пушечном ядре средней величины, такие ядра требовались для небольших пушек, которыми оснащались казачьи суда в XVI–XVIII вв.

что повитуха, совершая очистительно-восстановительную послеродовую процедуру, действовала в соответствии с традициями народной гинекологии, характерными для юга России, где такой вид распаривания, по сути, является аналогом севернорусской послеродовой бани. Оригинальность проявляется в использовании пушечного ядра вместо одного или нескольких камней, как это принято, например, на Дону. Совершенной когда-то, в каких-то конкретных обстоятельствах замене одного предмета другим со временем стали придавать особое значение. По рассказам, «пушку» нельзя было взять с собой при переезде из Турции, поскольку вес имущества переселенцев был ограничен властями. Это очень огорчало женщин, которые опасались, что «*без родимой пушечки бабы не будут казаков родить*». Беспокойство улеглось, когда в одном из домов, где некрасовцев разместили на Ставропольщине, женщина, заглянувшая в печь, обнаружила там «пушку». По словам одной из информанток, это было воспринято как знак совершившегося переселения и предвещание будущей благополучной жизни некрасовской общины в России¹⁴.

Другой пример – мотивация одного из актов «вочеловечивания» новорожденного – комплекс таких рационально-магических актов, как известно, входит в универсальный круг традиционных обязанностей повивальной бабки. Среди прочих манипуляций с новорожденными, таких как первое купание, придание голове круглой формы, разминание и вытягивание рук и ног, «выпрямление» спинки и т.п., у некрасовцев было принято подрезать язычок ребенка турецкой монетой. По сообщениям информантов, это делали, чтобы дети, особенно девочки, не привыкали к турецкому языку. Очевидно, что операция, которую повитухи и знахарки обычно совершают в случае необходимости (если у новорожденного язык прирос к десне), приобрела в ситуации культурно-языковой замкнутости особый смысл, превратившись из лечебной в социализирующую. Такое изменение содержания непосредственно связано с важнейшей, по наблюдениям исследователей казаков-некрасовцев, составляющей их самосознания – представлениями о ценности «своего» языка [19, с. 417].

К специфическим составляющим культуры материнства и детства, формирование которой продолжилось в чуждом окружении, следует отнести также и ограничение крестного родства. Важность этого изменения характерной для русских и сохранявшейся, как правило, на Дону традиции расширения круга родственников путем завязывания обрядовых отношений обусловлена проблемой

¹⁴ Рамзаева В.Г., 1914 г.р., с. Новокумское Левокумского р-на Ставропольского края, 1999 г.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

брачного выбора и угрозой вырождения, осознание которой во многом повлияло на решение вернуться в Россию. Необходимость ограничивать выбор близкими кровными родственниками в определенной степени повлияла и на представления о функциях крестных родителей. В тех случаях, когда приходилось брать в кумовья детей (единственное требование: чтоб мог стоять и умел молиться), их роль в жизни крестников практически сводилась к самому акту восприимчивости. Парадоксально, но при безусловной значимости для некрасовцев обряда крещения содержание института крестного родства, по сравнению с традициями Дона, было существенно упрощено.

Проведенное исследование позволяет сделать выводы:

1. О сохранении в традициях некрасовских казаков значительного корпуса явлений культуры, относящихся к сфере материнства и детства и сформировавшихся в период проживания их предков на верхне-среднем Дону.

2. О более раннем, чем принято считать, возникновении института семьи (не позднее 30-х гг. XVII в.) и относительной многочисленности женской части общин у донских казаков, поскольку сложение такой развитой и самодостаточной культуры материнства и детства, как та, которая очерчена при выделении ее локальных составляющих у казаков-некрасовцев, требует не менее двух – трех поколений.

3. О сохранении на верхне-среднем Дону после Булавинского восстания населения, количественно и качественно способного обеспечить преемственность в семейно-бытовой сфере от вольного казачества XVII в. к более позднему служилому.

4. О том, что, продолжая развиваться в условиях этноконфессиональной изоляции, культура материнства и детства казаков-некрасовцев насыщалась элементами, функциональное назначение которых – сохранение ценностных ориентиров и повышение устойчивости некрасовской общины.

Работа выполнена в рамках проекта «Процессы трансформации традиционной культуры донских казаков (XVIII – середина XX вв.)» Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России».

1. *Тумилевич Ф.В.* Сказки и предания казаков-некрасовцев. Ростов н/Д: Рост. книж. изд-во, 1961. 271 с.
2. *Сердюкова О.К.* Словарь говора казаков-некрасовцев. Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 2005. 320 с.
3. *Флягина М.В.* Лингвогеографическое исследование ландшафтной лексики донских говоров: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д, 2004. 22 с.
4. *Чистов В.К.* Семейные обряды и обрядовый фольклор // Этнография восточных славян. Очерки традиционной культуры. М.: Наука, 1987. С. 396–416.
5. *Зеленин Д.К.* Восточнославянская этнография. М.: Наука, главная редакция восточной литературы, 1991. 551 с.
6. Рождение ребёнка в обычаях и обрядах. Страны зарубежной Европы / Под ред. Н.Н. Грацианской и А.Н. Кожановского. М.: Наука, 1997. 518 с.
7. *Толстой Н.И.* Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М.: Индрик, 1995. 512 с.
8. *Путилов Б.Н.* Фольклор и народная культура: In memoriam. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2003. 464 с.
9. *Рыбаков Б.А.* Язычество древних славян. М.: Наука, 1981. 607 с.
10. *Листова Т.А.* Русские обряды, обычаи и поверья, связанные с повивальной бабкой (вторая половина XIX – 20-е годы XX в.) // Русские: семейный и общественный быт. М.: Наука, 1989. С. 142–171.
11. *Зеленина Э.И., Седакова И.А.* Бабин день // Славянские древности: этнолингвистический словарь в 5 томах / Под ред. Н.И. Толстого. Т. 1: А–Г. М.: Международные отношения, 1995. С. 123–125.
12. *Власкина Т.Ю.* «Бабина каша» в станице Раздорской // Живая старина. 1998. № 3. С. 26.
13. *Власкина Т.Ю.* Благодарение повитух у донских казаков: локализация терминологии и форм // Мир казачества: Сб. науч. тр. Вып. 2. Краснодар: Мир Кубани, 2007. С. 152–163.
14. *Уразманова Р.К.* Семейные обычаи и обряды // Татары. М.: Наука, 2001. С. 340–375.
15. *Попов Г.* Русская народно-бытовая медицина (Репринтное воспроизведение издания СПб., 1903). М.: Малое предприятие Глобус, 1991. 404 с.
16. *Фиельструп Ф.А.* Из обрядовой жизни киргизов начала XX века. М.: Наука, 2002. 300 с.
17. *Юдахин К.К.* Киргизско-русский словарь. В 2 томах. Т. 2. М.: Наука, 1965. 475 с.
18. *Узенева Е.С.* Курбан // Славянские древности: этнолингвистический словарь в 5 томах / Под ред. Н.И. Толстого. Т. 3: К–П. М.: Международные отношения, 2004. С. 54–57.
19. *Иванов-Желудков В.П.* Русское село в Малой Азии // Русский вестник. Т. 63. СПб., 1866, июнь. С. 413–461.

THE MAIN CATEGORIES OF THE NEKRASOV COSSACKS' CULTURE OF MOTHERHOOD & CHILDHOOD

T.Yu. Vlaskina

The research of the culture of the Nekrasov cossacks' child cycle has been summarized. The study of four categories of phenomenon which form the Nekrasov's culture of motherhood & childhood (universal, local, specific & archaic) – allow to make a conclusion on cultural succession of Nekrasov & upper-middle cossacks, on earlier, as is customary, beginnings of the Don cossacks' family, as well as on main lines of evolution of Nekrasov cossacks in the context of isolation.

Key words: Nekrasov Cossacks, ritualism, family, the context of isolation, categories of the culture.

REFERENCES

1. Tumilevich F.V. 1961. *Skazki i predaniya kazakov-nekrasovtsev*. [*Nekrasov Cossacks' tales and legends*]. Rostov-on-Don, Rostov Book Publishers: 271 p. (In Russian).
2. Serdukova O.K. 2005. *Slovar' govora kazakov-nekrasovtsev*. [*The Nekrasov Cossacks' dialect dictionary*]. Rostov-on-Don, Rostov University Press: 320 p. (In Russian).
3. Flyagina M.V. 2004. *Lingvogeograficheskoe issledovanie landshaftnoy leksiki donskikh govorov. Avtoreferat dissertatsii ... kandidata filologicheskikh nauk*. [*The lingvo-geographic research of the Don dialectal landscape lexicon. PhD Abstract*]. Rostov-on-Don: 22 p. (In Russian).
4. Chistov V.K. 1987. [Family rites and ritual folklore]. In: *Etnografiya vostochnykh slavyan. Ocherki traditsionnoy kul'tury*. [*Ethnography of the Eastern Slavs. Essays on traditional culture*]. M., "Nauka": 396–416. (In Russian).
5. Zelenin D.K. 1991. *Vostochnoslavjanskaya etnografiya*. [*Ethnography of the Eastern Slavs*]. M., "Nauka", Main Editorial Office of the Eastern Literature: 551 p. (In Russian).
6. Gratsianskaya N.N., Kozhanovsky A.N. (Ed.) 1997. *Rozhdenie rebenka v obyčajakh i obryadakh. Strany zarubezhnoy Evropy*. [*Childbirth in Customs and Rituals. Foreign European Countries*]. M., "Nauka": 518 p. (In Russian).
7. Tolstoy N.I. 1995. *Yazyk i narodnaya kul'tura. Ocherki po slavyanskoy mifologii i etnolingvistike*. [*Language and popular culture. Essays on Slavonic mythology and ethno-linguistics. Collected articles*]. M., "Indrik": 512 p. (In Russian).
8. Putilov B.N. 2003. *Fol'klor i narodnaya kul'tura: In memoriam*. [*Folklore and popular culture: In memoriam*]. St.-Petersburg, Petersburg Orientalism Publishing House: 464 p. (In Russian).
9. Rybakov B.A. 1981. *Yazychestvo drevnikh slavyan*. [*Ancient Slavic paganism*]. M., "Nauka": 607 p. (In Russian).
10. Listova T.A. 1989. [Russian rituals, customs and beliefs associated with a midwife (Second half of the 19th century – the 1920s)]. In: *Russkie: semeynyy i obshchestvennyy byt*. [*The Russians: Family and social life*]. M., "Nauka": 142–171. (In Russian).
11. Zelenina E.I., Sedakova I.A. 1995. Babin den'. [Midwife's Day]. In: *Slavyanskije drevnosti: etnolingvisticheskiy slovar'*. [*Slavic antiquities: Ethnolinguistic dictionary*]. N.I. Tolstoy (Ed.). Vol. 1. M., "Mezhdunarodnye otnosheniya": 123–125. (In Russian).
12. Vlaskina T.Yu. 1998. "Babina kasha" v stanitse Razdorskoy. [Midwife's porridge in Razdorskaya stanitsa]. *Zhivaya Starina*. (3): 26. (In Russian).
13. Vlaskina T.Yu. 2007. [Thanksgiving for midwives: Localization of the terminology and forms]. In: *Mir kazachestva: Sbornik nauchnykh trudov*. [*Cossacks' world: Collected articles*]. Iss. 2. Krasnodar, "Mir Kubani": 152–163. (In Russian).
14. Urazmanova R.K. 2001. [Family customs and rites]. In: *Tatary*. [*The Tatars*]. M., "Nauka": 340–375. (In Russian).
15. Popov G. 1991. *Russkaya narodno-bytovaya meditsina (Reprintnoe vosproizvedenie izdaniya SPb., 1903)*. [*Russian folk medicine (A reprint of the Saint-Petersburg issue of 1903)*]. M., "Gloбус": 404 p. (In Russian).
16. Fielstrup F.A. 2002. *Iz obryadovoy zhizni kirgizov nachala 20 veka*. [*An extract from the Kyrgyz ritual life in the early 20th century*]. M., "Nauka": 300 p. (In Russian).
17. Yudakhin K.K. 1965. *Kirgizsko-russkiy slovar'*. [*Kyrgyz-Russian dictionary*]. Vol. 2. M., "Nauka": 475 p. (In Russian).
18. Uzeneva E.S. 2004. [Qurban]. In: *Slavyanskije drevnosti: etnolingvisticheskiy slovar'*. [*Slavic antiquities: Ethnolinguistic dictionary*]. N.I. Tolstoy (Ed.). Vol. 3. M., "Nauka": 54–57. (In Russian).
19. Ivanov-Zheludkov V.P. 1866. [Russian village in Asia Minor]. *Russkiy Vestnik*. 63(June): 413–461. (In Russian).